

Здание Российской национальной библиотеки в Санкт-Петербурге

Российская национальная библиотека была основана в Санкт-Петербурге в мае 1795 года высочайшим повелением императрицы Екатерины II. Императорская публичная до 1917 года, с 1932 она носила имя М.Е. Салтыкова-Щедрина и была одной из первых публичных библиотек в Восточной Европе. А сегодня остаётся в числе крупнейших в мире.

За всё время её существования библиотечные фонды лишь дважды покидали северную столицу: первый раз – в 1812 году, спасаясь от нашествия Наполеона, и вторично – в 1941 году, когда наиболее ценные фонды в сопровождении сотрудников Публички были вывезены из Ленинграда. Часть из них оказалась в Мелекесе, где в течение всей войны и размещался один из так называемых филиалов библиотеки.

В 2005 году, к 60-летию Победы, в Петербурге вышла книга «Публичная библиотека в годы войны, 1941–1945», в которой среди прочего опубликованы воспоминания сотрудниц Мелекесского филиала об их жизни в этом тогда небольшом провинциальном городке. Это как бы взгляд со стороны, взгляд почти иностранцев, попавших в чужую страну, взгляд людей, оказавшихся в абсолютно непривычной, во многом чуждой для них обстановке, однако вынуждаемых обстоятельствами приспособляться к ней. В то же время эти записки рисуют довольно подробную, далеко не всегда радужную картину военной жизни в глубоком тылу.

Чужая страна Мелекесс и её жители мелекесяне

Из доклада заведующей Мелекесским филиалом Ц.А. Озеровой, прочитанного ею после возвращения в Ленинград 9 января 1946 года на специальном заседании Кабинета библиотековедения.

«31 июля эшелон прибыл в Мелекесс. Это был небольшой районный центр, насчитывавший около 36 тыс. жителей. В городе – почти исключительно деревянные одноэтажные постройки, небогатые улицы, очень небольшое количество воды (Мелекесс стоит на небольшой речке). Из учебных заведений в городе был один учительский институт, один техникум и несколько средних школ.

Когда мы обратились к городским властям, уже знавшим о нашем прибытии, они предложили нам ехать дальше. Мы не согласились с этим, связались с Москвой и стали подыскивать подходящее место для размещения наших ценностей. Это было трудно ещё и потому, что в городе почти отсутствовали казённые постройки. В конце концов, мы подыскали три помещения: Дом пионеров, Дом учителя и учительский институт. Городская администрация согласилась передать нам их, поскольку пришло указание Наркомпроса.

13 августа эвакуированные материалы были размещены в указанных зданиях. Их перевозили 11 дней, на подводах, запряжённых волами и лошадьми.

Каждую подводу сопровождал один из наших сотрудников. Жители города удивлялись, что ящики с книгами имеют сопровожающих. Ведь это же не ценности – не мыло, не конфеты.

Затем встал вопрос об охране зданий. С этой целью были выделены сотрудники библиотеки, которые несли круглосуточные дежурства. Кроме того, была организована сторожевая охрана из членов артели инвалидов. Эта охрана нас не устраивала. Только в мае 1943 года удалось получить военизированную охрану НКВД».

Главной задачей филиала была определена сохранность фонда. Этой работой сотрудники в основном и занимались – проводя сверку, очищая фолианты от плесени, реставрируя их... Но не только. По материалам библиотеки были организованы две большие выставки: в 1941 году по теме «Великая Отечественная война советского народа против германского фашизма» и в 1942 – «Великий русский народ в борьбе за свою Родину» и целый ряд малых. Все они, по утверждению Озеровой, имели для города большое культурно-просветительское значение. Выставки посетило около полутора тысяч человек. А ещё сотрудницы «публички» помогали в организации работы местным коллегам, читали лекции. Интересны мемуары ещё и тем, что рисуют внешний облик города тех лет, от которого сегодня мало что осталось.

Город

«В центре города красивый тёмно-красный кирпичный Собор во имя Александра Невского, теперь занятый под склады, построенный в 1893 году. С его высокой стройной колокольни рука недремлющего сторожа отбивает быстро бегущие часы нашей жизни. Это единственные часы, обслуживающие весь город. Архитектор, строивший собор, построил его очень удачно. Он отовсюду виден и служит для жителей своего рода компасом, с помощью которого легко ориентироваться. Куда бы вы ни пошли, высокая стрельчатая колокольня чётко выделяется на чётком небе.

Планировка улиц очень стройная и простая, разобраться в ней нетрудно.

В центре города сосредоточены главные здания: суда, милиции, горисполкома, дома пионеров, гостиницы и др. Это типичные одно- и двухэтажные каменные здания. В городе нет зданий в три этажа, за исключением лишь Учительского института, находящегося на Горке, Крупозавода, Главмуки в пять с половиной этажей, высокого элеватора за городом и электростанции.

Преобладают дома-избы: «шатровые» и дома «связи», т. е. с четырьмя скатами и с двумя, три-пять окон

выходят на улицу. Окна и двери украшены примитивной резьбой. Крылечки разных фасонов – с навесами и без них, с перильцами или просто с площадкой. Скамьи около домов – редкое явление. Крылечки являются своего рода «гостиной», где собираются по-калякать в летние вечера хозяйки и молодёжь. Чаше на окраинах, а иногда и в центре попадаются домики и лачуги в два и даже в одно окошечко.

Внутреннее расположение комнат почти во всех домах одинаковое: через крылечко вы попадаете на галерейку, входите в избу, кухню, построенную прочно, основательно, с большой русской печью и «голландкой». Прямо из кухни, через коридорчик вы попадаете на парадную половину, которая обычно разделена на три части: главная комната – передняя в 2–3 окна, выходящая на улицу, с занавесками, цветами на тумбочках, с парадной постелью и горой подушек, положенных наискось; одна или две комнатки по бокам в одно окно. Эти две-три комнаты разделены дверями, но обычнее – занавесками...

Везде имеются двойные рамы, но форточек нет. Сырость на стенах, плесень, даже снег на плинтусах обычны в помещениях, где несознательные «куируемые» плохо отапливают свои комнаты. До войны, когда город был завален дровами, такая картина не наблюдалась: хозяева жили одни и топили вволю.

Нельзя обойти молчанием высокие заборы около домов и своеобразную

архитектуру мрачных высоких ворот с двумя большими столбами с покрытием грубой резьбой... Преобладающий строительный материал – дерево.

«Дом учителя» принадлежал купцу Коробову и выстроен в 1912–1919 годах. Наверху была его квартира, а в нижнем этаже был большой магазин железо-скобяных товаров. Он стоит на главной площади города. Это угловое каменное здание в два с половиной этажа, выходящее одной стороной на ул. III Интернационала, а другой – на Самарскую улицу.

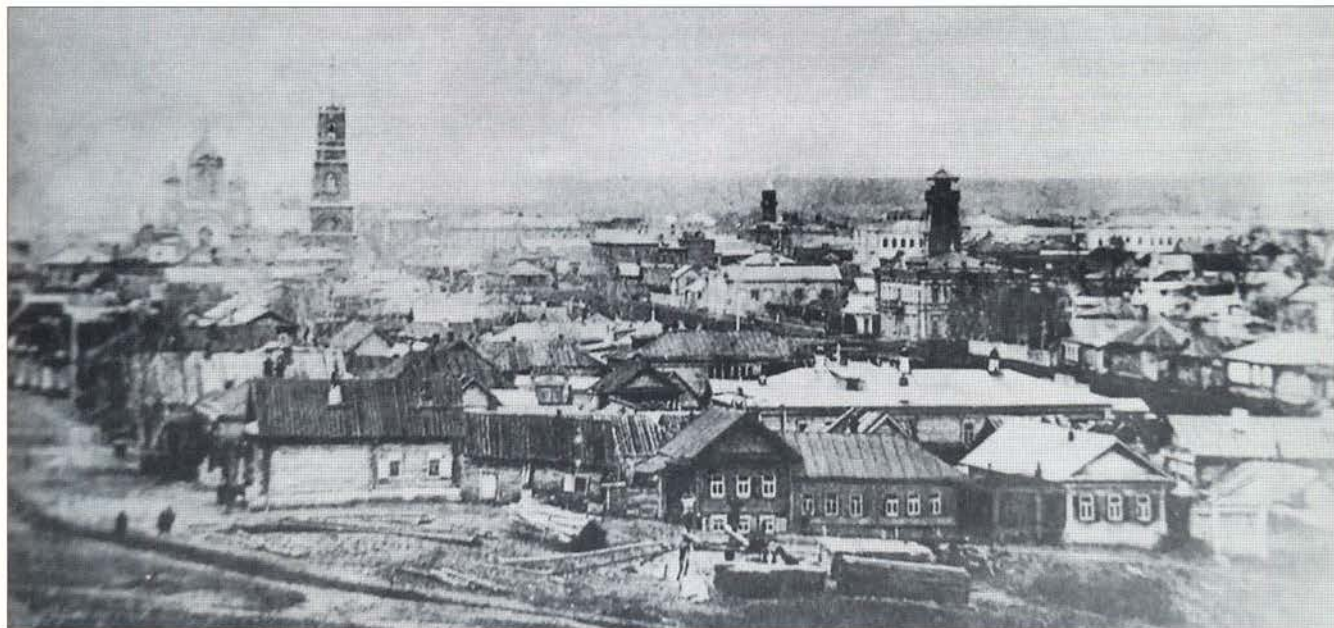
«Дом пионеров» на площади Советов, № 5 – принадлежал купцу Бернгерберу, построен около 1912–1913 года. Это – двухэтажное (точнее, в два с половиной этажа) каменное здание с двумя входами – парадным и чёрным, с узенькой, почти перпендикулярной лестницей.

Местные

Во взаимоотношениях местного населения с эвакуированными совершенно отчётливо намечаются два периода.

Первый период – в течение 1941 года, 1942 года и даже 43-го, когда «мы» и «они» были две враждующие партии. Нас преследовали, издевались, не доверяли..., попрекали, учили и т. п.

Хозяева не верили тому, что большинство из нас бедняки, потерявшие в Ленинграде всё..., и жадно смотрели в руки, ожидая подачек в виде

серебряных ложек, кружев и т. п. вещей. Тыл, конечно, тоже страдал из-за того, что в государстве появился фронт, но они не пережили ужасов прифронтовой или, вернее, фронтовой полосы.

Наша хозяйка была одной из лучших, но и она ревниво относилась к получаемой мною тысяче. Трём вещам она не верила: тому, что мы не любим и не пьем водки, что мы действительно потеряли всё имущество в Ленинграде, кроме громоздких вещей (в этом случае мы должны были бы «голодать», по её мнению) и, в-третьих, мои пасьянсы по вечерам она неизменно принимала за гадание.

Повышение ставок с августа 1944 года (о чём хозяева иногда случайно узнавали) значительно повышало в их глазах нашу личную и общественную стоимость. Мы расставались с ними почти друзьями.

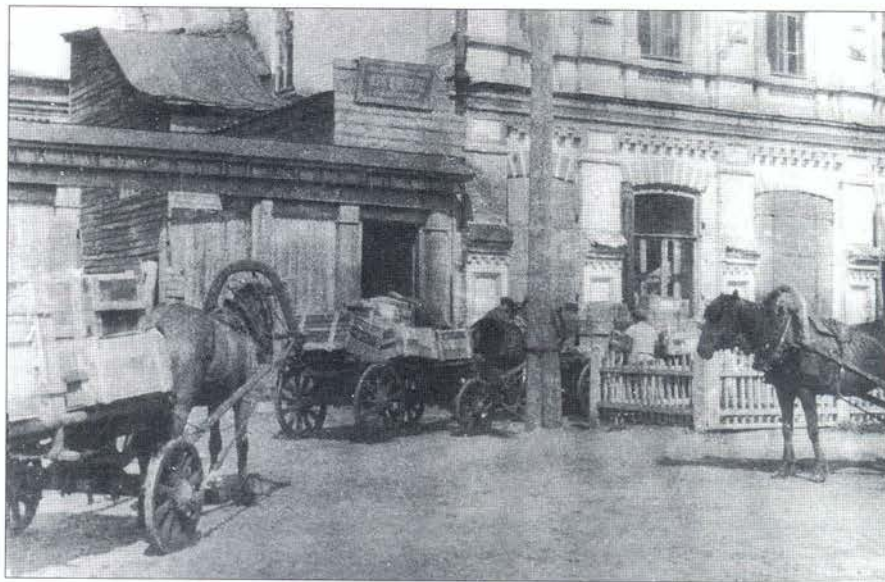
В городе царит беззащитный «блат», антисемитизм и воровство. Такие слова, как «муж сидит», «дочь отсидела», «сам вернулся из колонии» – самые обычные, житейские, «нестыдные» слова. Темнота, напоминающая времена Островского. Гадалки, ворожеи в большом почёте, и место их жительства хранится в тайне теми, кто обращается к их услугам и щедро их награждает.

Тяготы жизни

Жизнь в глухом городке с немощными улицами для нас, не имевших соответствующей обуви, была полна мучений. Весной и осенью не пройти на перекрёстках по Черемшанской, Безымённой и другим улицам. Озёра воды, озёра грязи, кучи рыхлого снега, ледяные кочки под водой.

Но самое жуткое в Мелекесе – это уборные. Общественные уборные – на базаре, при бане, в коммунальных домах, при школах, фабриках и т. д. – сплошная грязь и зараза. В частных домах – то же самое.

Для многих из нас очень тяжело было добывание воды вследствие

отсутствия водопровода. Воду приходилось носить из буровых колодцев, так называемых «бассеек», и шахтных колодцев. 14 «бассеек» раскинуто по городу, но их не хватает, т. к. они обслуживают большие районы, часто выбывают из строя, иногда вода идёт медленной слабой струей, у многих нет сил повернуть ручку. Эта работа доводила слабосильных до сердечных приступов. Тем, кто по состоянию здоровья или по возрасту не мог сам носить воду, приходилось нанимать, точнее, умолять носить за большую плату. Платили за полтора-два ведра в день от 60 до 100 рублей в месяц.

Дровяной вопрос – один из самых тяжёлых в нашей жизни.

Когда хозяева «нанимали» нас, эвакуированных (иначе трудно выразиться), они, прежде всего, определяли нашу дровяную состоятельность. Назначались обычно кубометров десять на зиму, сторговывались на пять-шесть. В зимний сезон 1942/43 года пять с половиной кубометров обходились в две с половиной, три тысячи рублей. Цена кубометра колебалась в разные годы в зависимости от погоды, качества дров и т. д. от 300 до 500 рублей плюс расколка слабосильным (пятьдесят-восемьдесят рублей) и доставка (по 100, 125 рублей за кубометр).

Тяжело переживая дороговизну дров и отсутствие достаточных средств на них, мы очень дорожили каждой веткой, сучком, кусочком сухой коры, чуркой, найденной в пыли мелекесских улиц или вдоль линии

железной дороги. Мы постоянно ходили с мешками и подбирали щепки, брошенные ребятишками или нерадивыми хозяевами.

Кто был помоложе и посильнее (или похрабрее), через день или через два ходил за Черемшан, с трудом удерживая равновесие на шатком, узеньком мостике, возникающем на летнее время, местами лишённом даже малоустойчивых перил. Возвращались с «того» берега с богатой добычей за спиной, ничем не отличаясь по своему запылённому и ободранному виду от местных бедняков.

Головные вши население не смущают. В солидных мещанских семьях осмотр голов обычное занятие у женщин. «Без вши не проживёшь». Таков взгляд на вошь, как на неотъемлемую принадлежность человеческой жизни у мелекесян.

Имеется одна дезинфекционная камера, но в неё не так-то легко попасть. Имеются две бани: городская и железнодорожная (для массы недоступная, так же, как и одна фабричная на Горке).

...Надо простоять много часов, чтобы вымыться. Кабинки для одежды донельзя тесны. Народ снимает с себя такую грязную одежду, что тебя охватывает дрожь. Баня постоянно останавливается (не хватает дров, сами служащие привозят подводы с дровами), народ терпеливо стоит у входа и ждёт, когда «откроют». Народ вообще любит баню, старается часто посещать её, хотя это очень дорогое удовольствие: за вход один рубль, но за стоимость мыла! В 1943 году –

180–250 рублей за кусок, в 1945-м – 90 рублей и дешевле (небольшие куски – по 20, 30 рублей).

Голод

В продолжении нескольких месяцев (до снятия нового урожая) многие из нас были накануне памятного дистрофического 1942 года в Ленинграде. Матери отчаянно взирали на своих похudevших детей, и изнемогавшие от голода ленинградцы в Мелекессе тащили на базар необходимые в хозяйстве вещи, в продаже которых впоследствии горячо себя упрекали.

Целый день не было хлеба. Обещали не раньше двенадцати, потом в два, четыре, наконец, обязательно в шесть. Вдруг, как всегда неожиданно, когда слишком долго и напряжённо чего-то ждёшь, слышится радостный голос: «Хлеб привезли!». Распахиваются двери, и появляются носилки с ещё неостывшим хлебом.

Прежде всего хлебодар старается надеть шоколадными глыбами заждавшихся детей, пожилых, далеко живущих. Хлеб действительно кажется по вкусу шоколадным тортом. Съедаешь ломоть и чувствуешь себя снова сильным. Ты сыт сейчас, сегодня! Неважно, что будет завтра.

Голодные жители собирали на полях перезимовавшие зёрна, мололи их и пекли лепешки и хлеб. Эти зёрна были причиной смертоносной болезни.

Большой заботой и мучением... была необходимость спускать за бесценно свои вещи на барахолке, т. к. зарплаты решительно не хватало на самую скромную жизнь, пайки стали получать очень поздно.

Базар

По субботам и воскресеньям город оживает... По всем дорогам захудалые лошади и дородные коровы тащат телеги, нагруженные сеном, дровами, мешками с картофелем и другими овощами. Ещё больше тянется ручных тележек... Плетутся по улицам убого одетые «куированные» и горделиво выступают справно одетые мелекесские хозяйки, спешащие закупить продукты.

Около сарая расположены горшки и корчаги. Самое оживлённое место

всегда около киоска, где развешивается масло, и около картофеля и овощей... Всегда бойко идёт продажа семечек и табака. Табачники – обычно татары – сидят в одном углу, часто на корточках перед своими мешками с зеленоватым, коричневым или золотистым табаком.

Любимое, общедоступное лакомство (других во время войны нет) – это семечки: подсушенные тыквенные и подсолнечные. Такого массового истребления семечек мы нигде не видели. Они остроумно называются «Мелекесским разговором». Щёлкают и плюют решительно все.

Но все устремления мелекесян направлены к так называемой «барахолке», где разложены все богатства Мелекесса и приезжих из разных городов. Особенно хорошо идут старые, поношенные вещи: кацавейки, брюки, рубашки, куртки, обувь и т. д. На них набрасываются, главным образом, приезжие крестьяне. Они выворачивают из карманов нижних юбок или холщёвых мешков кучи грязных бумажек. Им постоянно требуются для работы старые куртки, холщевые штаны и т. д. Торг идёт бойко, с божбой.

Цены фантастические, но никого не пугают. И, как ни странно, но каждая вещь, побывав на базаре два-три раза, получает какую-то среднюю цену. На базар летят простыни, полотенца, посуда, золотые и серебряные вещи, у кого они ещё остались. Чемоданы опустошаются. В последние месяцы ты уже ощущаешь отсутствие того или другого проданного предмета.

Кладбище

Темнота и грубость жителей, прежде всего, сказываются на их отношении к кладбищу, к тому месту, где лежат их предки и куда каждому из нас пути не заказаны.

До революции городское кладбище было одним из самых красивых мест города. Прекрасные высокие березы и сосны, дружно уживавшиеся между собой, дорожки, аллеи, цветники, красивые мраморные памятники. Теперь почти всё разрушено. Сохранились лишь сторожка и старинные ворота. Кладбищенская церковь разрушена. Летом 1944 года начали ставить изгородь, но почему-то бросили.

В 1945 году горкомхоз постановил обнести кладбище железной оградой, и, действительно, летом была сооружена прочная ограда. Эта мера, надо надеяться, охранит покой усопших, а то до сих пор кресты сваливались и ломались безжалостной ленивой рукой. Почему? На дрова. Леню дойти до леса, а он здесь же, неподалеку от линии железной дороги.

Конец войны

Утром в день 8 марта 1945 года на площади Советов появилась громадная географическая карта в деревянной раме. Яркая раскраска театра военных действий в Европе и большая часть справа, окрашенная в весёлый красный цвет нашего Союза, собрала громадную толпу, которая буквально замерла перед невиданным зрелищем. И с тех пор всегда около карты стоят 20-30 человек. Находится обычно словоохотливый «политик», который разглагольствует перед собравшейся толпой женщин с авоськами и ребятишек, которые небагают в один миг, внимательно слушают и отпускают весьма нелестные замечания по поводу «фрицев».

Эту карту поставил горком партии. Художники писали её под руководством В.И. Гранского. Красные шнуры указывали изменение фронта нашего и союзников, постоянно передвигались и неуклонно уменьшали расстояние до Берлина.

Когда произошёл разгром фашистской Германии и был объявлен мир, громадные толпы текли к карте, где линия фронта была снята, а над Берлином развевался маленький красный флажок. Какое было ликование в народе! Всё население с утра хлопотало, добывая драгоценную увеселительную влагу, гармонисты были спешно абонированы по разным учреждениям. День был холодный и хмурый, перепадал дождь, но это не мешало людям веселиться. Посреди улицы Пушкина, на зелёной лужайке, были поставлены столы с едой и питьем. Угощение было устроено на паях, но мимо идущих тоже угощали, и все сообща кричали «Ура!».

Книгу читал

Владимир Миронов

Фото из фондов Димитровградского краеведческого музея